

Исторические аспекты и современные особенности внутренней миграции населения в России

Historical Aspects and Modern Features of Internal Migration in Russia

Получено 15.12.2020 Одобрено 14.01.2021 Опубликовано 19.03.2021

DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.3

Для цитирования: Воробьева О.Д., Субботин А.А. Исторические аспекты и современные особенности внутренней миграции населения в России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. №1. С. 32–41. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.3

For citation: Vorobieva O.D., Subbotin A.A. Historical aspects and modern features of internal migration in Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021. Vol. 17. No.1. P. 32–41. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.3

ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА ВОРОБЬЁВА,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

OLGA D. VOROBIEVA,

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Professor at the Demography Department of Higher School of Contemporary Social Sciences Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher of the Institute of Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation.

E-mail 89166130069@mail.ru elibrary Author ID 250138

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-1304-3715> Researcher ID H-9920-2016

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ СУББОТИН,

аспирант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

ALEXANDER A. SUBBOTIN,

Postgraduate student at the Demography Department of Higher School of Contemporary Social Sciences Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail aasubbotin@yahoo.com elibrary Author ID 1006185

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-5016-0473> Researcher ID AAG-6149-2021

Аннотация

В статье рассматривается внутренняя миграция населения в России как в историческом аспекте, так и современные особенности этого процесса. Информационной базой исследования послужили общедоступные статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), а также данные из опубликованных материалов в различных изданиях. В исследовании используются системный и сравнительно-исторический методы, применяемые в теоретических исследованиях по социологии. В статье кратко показана зависимость территориального перемещения населения между регионами от государственной политики и знаковых исторических событий в различные периоды, от начала второго тысячелетия и до настоящего времени. Отмечена взаимосвязь интенсивности процесса смены постоянного места жительства с уровнем и характером урбанизации. Проведён анализ различных показателей внутренней миграции населения с целью повышения позитивного воздействия миграционных процессов на улучшение демографической ситуации в стране в целом. Особое значение при этом имеют популяционные диспропорции между сельским и городским населением, а также различная плотность населения в регионах России, в том числе концентрация населения на небольшой территории её центральной части, включая столицу и окружающие её области. Отмечены возникшее в последние годы в ряде регионов явление дезурбанизации и сохранение процесса «западного дрейфа». Выделяются как важный фактор миграции населения различия в уровне оплаты труда в соотношении с уровнем цен. Отдельное внимание уделено Дальневосточной части страны – её истории и перспективам в качестве нового центра притяжения мигрантов. Рассматриваются некоторые эффективные меры по привлечению населения в данный регион, в первую очередь связанные с необходимостью эффективного управления рынком труда.

Abstract

The article deals with internal migration in Russia both in the historical aspect and in its modern condition. The information basis of the study is based on the publicly available statistical data of the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat), as well as data from published materials in various publications. The study uses systematic and comparative-historical methods widely used in theoretical research in sociology. The article briefly shows the dependence of territorial population movement to different regions on the state policy and significant historical events in different periods, from the beginning of the second millennium to the present. Certain attention has been paid to the correlation between how intensely people change their permanent residence and the level and nature of urbanization. Various indicators of internal migration have been analyzed in order to increase the positive impact of migration processes on improving the demographic situation in the country as a whole. Population disparities between rural and urban populations, as well as different population densities in Russian regions, are of particular importance, including the concentration of population in a small area of its central part, including not only the capital, but also the surrounding regions. The phenomenon of deurbanization that has emerged in a number of regions in recent years and the stability of the Western drift process are discussed. Varying salary levels in relation to price levels are highlighted as an important factor of population migration. Special attention is paid to the Far Eastern part of the country, its history and prospects as a new center of attraction for migrants. Some effective measures to attract the population to this region are given at the end of the article, which are primarily related to the need for effective management of the labour market.

Ключевые слова: внутренняя миграция, история миграции населения, демографическая политика, внутренняя переселенческая политика, миграционная политика, демографическое развитие, Дальний Восток

Keywords: internal migration, population migration history, demographic policy, internal migration policy, migration policy, demographic development, Far East

Введение

История становления и социально-экономического развития России связана с межрегиональными и внутрирегиональными перемещениями населения страны. Внутренняя миграция в отдельные периоды времени то затухала, то, наоборот, всё более активизировалась, но всегда играла одну из ключевых ролей в развитии государства.

Объектом данной работы является внутренняя миграция населения в России в её историческом, в связи с присоединением и освоением новых дальневосточных территорий, и современном аспектах. **Предметом** исследования являются основные особенности внутренних миграционных процессов населения России, как связанные со специфическими российскими тенденциями, так и общемировыми.

Цель работы – показать закономерности межрегионального перемещения населения по территории страны и разработать ряд предложений по активизации переселенческих процессов в целях улучшения регионального социально-экономического развития страны. Таким образом, гипотезой является идея о воздействии государства на внутреннюю миграцию населения в России, при котором люди принимают добровольные решения о переселении под влиянием преимущественно экономических факторов, формирующихся под прямым и косвенным влиянием государственной политики. Теоретической базой исследования являются труды отечественных и зарубежных учёных по вопросам внутренней миграции в России, в том числе и её историческим аспектам [Брук С.И., Кабузан В.М., 1982; Ионцев В.А. и др., 2001; Моисеенко В.М., 2017; Моисеенко В.М., 2018; и др.]. Отмечаются популяционные диспропорции между сельским и городским населением [Великий П.П., Бочарова Е.В., 2012; Воробьева О.Д. и др., 2016; и др.], интенсивность направлений внутренней миграции [Воробьева О.Д. и др., 2016; и др.], а также особенности современной миграционной ситуации на российском Дальнем Востоке [Мотрич Е.Л. и др., 2013; Мотрич Е.Л., 2017; Воробьева О.Д., 2017; и др.].

Научно-практическая значимость работы заключается в том, что на основании характеристик истории и современного состояния межрегионального перемещения населения по территории страны, в том числе на территорию Дальневосточного федерального округа, даны предложения по повышению социально-экономической привлекательности региона для переселения населения.

Информационной базой исследования послужили общедоступные статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), а также данные из опубликован-

ных материалов в различных изданиях, которые показывают изменения в миграции населения в различные годы в различных регионах. Методологическую основу работы составляют такие общесоциологические принципы исследования, как принципы историзма и социального детерминизма. В исследовании используются системный и сравнительно-исторический методы, широко применимые в теоретических исследованиях по социологии.

Исторические аспекты внутренней миграции населения

Для России на протяжении всей истории были характерны внутренние миграции, которые сыграли ключевую роль в её демографическом развитии. Ещё в эпоху Киевской Руси, при создании государственности, происходили территориальные передвижения населения, способствовавшие формированию этноса. Например, в состав будущей нации влились представители угро-финского населения (на северо-западе) и других неславянских народностей [Ионцев В.А. и др., 2001, 20].

На рубеже первого и второго тысячелетий и включительно до первой трети XII века существовало единое государство, которое постепенно стало распадаться, чему после века внутренних распрей поспособствовало также ордынское иго: борьба за ярлык великого князя не служила консолидации державы, но хотя перемещение населения в столь беспокойные годы было сопряжено с заведомой опасностью, существование Новгородской феодальной республики доказывает важную роль торговли и связанной с ней миграции населения, как правило, временной.

Образование централизованного государства привело к стремлению расширить его территорию. Утрата исконно русских земель на западе и северо-западе в результате неудачных войн побудили власти начать активную экспансию на восток. Проживавшие там коренные народы, стоявшие на более низкой ступени цивилизации, было легче покорить, чем сражаться с развитыми европейскими державами – такими, как Швеция.

В XVII веке начинается крупномасштабное освоение новых земель и переселение русских в Сибирь, которую завоёвывали в предыдущем столетии. Переселенцы должны были приспособиться к тяжёлым природным особенностям региона. В Петровскую эпоху возобновилась экспансия на запад и как результат антитурецкой коалиции – на юг. С конца XVIII века и в первой половине XIX века в Россию вошли Финляндия, часть Польши, Бессарабия, некоторые районы Дунайского устья, где среди различных народов селились и русские [Ионцев В.А. и др., 2001, 25].

В XIX веке активизировалась также вынужденная миграция, связанная с использованием восточных и северных регионов в качестве мест заключения преступников и ссылок. Сильного прироста населения подобное явление, разумеется, не давало, но вскоре, на рубеже XIX и XX столетий, возникло новое явление, на котором необходимо остановиться подробнее.

Активная внутренняя переселенческая политика начала проводиться ещё в середине XVIII века. Преимущественно переезжали государственные и экономические крестьяне, и в 40–70-е гг. XVIII века переселенцы заселяли территории Новороссии, Южного и Северного Приуралья, Нижнего Поволжья, Воронежской губернии Центрально-Земледельческого района [Кабузан В.М., 2005]. В 1780-е годы потоки внутренних мигрантов перемещались в Новороссию, Южное Приуралье, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ. До 50-х гг. XIX века переселенцев направляли в Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую, Саратовскую и Оренбургскую губернии. В то время на первом месте в стране по численности переселенцев была Новороссия (в 1782–1858 гг. прибыло 42,5% всех мигрантов в стране) [Воробьева О.Д., 2018, 15]. Перемещением крестьян ведало Министерство государственных имуществ, до 1861 г. осуществившее переселение порядка 170 тысяч ревизских душ, то есть около 400 тысяч человек (в списки ставился только мужчина-домохозяин) [Зубков И.В., 2014, 660].

В ходе реформ, проводимых Александром II, после отмены крепостного права, крестьянин, казалось бы, получил свободу передвижения. Но земли он не получил, и, привыкший именно к такому труду, продолжал жить и работать на барина уже на иных основаниях, хотя лишь за период с 1861 по 1882 гг. в Сибирь переселились более 240 тысяч человек, как правило в Томскую и Тобольскую губернии¹. Свободное перемещение крестьян началось значительно позже, спустя почти 10 лет после реформы 1861 года, и подталкивалось различными правительственными мерами. Из них стоит упомянуть Закон 1868 года «О дозволении русским подданным невоинского сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск», разрешивший переселенцам приобретать в собственность усадьбы на названных территориях. Только ближе к концу XIX века принимаются новые меры для активизации процесса – например, Закон от 13 июня 1889 года «О добровольном переселении сельских

обывателей и мещан на казенные земли». С 1890 г. вводится система скидок с проездной платы, а в 1891 г. Министерством внутренних дел вводится в действие правила о выдаче внутренним мигрантам ссуд на первоначальное обустройство хозяйством. В 1892 году учреждается комитет Сибирской железной дороги, а четыре года спустя при Министерстве внутренних дел появилось Переселенческое управление и началось строительство Транссибирской железной дороги.

Переселенческие процессы ускорили столыпинские реформы начала XX века: «Изъявивший желание выехать из Европейской России, избавлялся на долгое время от всяких налогов. Государство помогало ему деньгами, и он получал в полную собственность участок земли в 15 гектаров, т.е. около 37 акров на душу, и 45 гектаров на семью. При этом каждой семье выдавалось пособие в 200 рублей и она перевозилась со всем имуществом за казённый счет до места поселения. В Сибири же были устроены казенные склады земледельческих машин, снабжавшие население сельскохозяйственными орудиями по крайне низким ценам» [Ионцев В.А. и др., 2001, 26–27].

На рубеже веков произошло ещё одно значимое событие – перепись населения Российской империи в январе 1897 г. Она вскрыла масштаб миграций из центра к окраинам России и в города из деревень [Михайловский В.Г., 1897, 107, 117], хотя значительное население Европейской части России перемещалось в пределах «собственных» или сопредельных губерний [Моисеенко В.М., 2017]. В 70–90-х годах XIX века на окраины переселилось 3,8 млн человек, из которых почти треть переселенцев осела в Сибири [Брук С.И., Кабузан В.М., 1982, 20]. В эпоху империализма отток земледельческого населения на окраины достиг 5,2 млн человек, основная часть которого была направлена в Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Среднюю Азию. Всего в пореформенный период более 9 млн человек переселилось на окраины России [Брук С.И., Кабузан В.М., 1982, 20].

В годы гражданской войны перемещение населения часто было скорее вынужденным – одни бежали от красных, другие – от белых. Эти «миграции», связанные с войной, хорошо описаны в поэзии Максимилиана Волошина:

Одни идут освободить
Москву и вновь сковать Россию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.
В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула
[Волошин М.А., 2003, 329].

Миграция населения страны из сёл в города активизировалась сразу после окончания ши-

¹ Переселенцы в царской России // Фотохронограф. История в фотографиях – города и страны, события и люди. 2 февраля 2020 года. URL: <https://photochronograph.ru/2020/02/02/pereselency-v-carskoj-rossii/> (дата обращения: 29.11.2020).

рокомасштабных боевых действий в середине и конце 1920-х гг. [Моисеенко В.М., 2018, 122–146]. Позже в связи с раскулачиванием, согласно справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ², за 1930–1931 гг. было отправлено на спецпоселение 381,026 семей общей численностью 1,803,392 человека. За 1932–1940 гг. туда прибыло ещё 489,822 раскулаченных [Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 2000]. В советский период, кроме того, осуществлялся административный контроль за передвижениями граждан. Паспортная система была введена на территории страны 27 декабря 1932 г., поначалу документы имели лишь проживающие в городах, затем с 1935 по 1974 гг. их стали получать все, кроме колхозников, которым не разрешалось покидать своё место постоянного жительства более чем на 30 дней, для чего требовалось брать соответствующее разрешение в сельском совете, поэтому основные потоки внутренней миграции до 1950-х гг. были связаны, прежде всего, с вынужденным перемещением отдельных групп: в годы коллективизации и репрессий и с эвакуацией во время Великой Отечественной войны. Например, начиная с конца 1930-х гг. и вплоть до окончания войны, производились депортации целых народов (немцев, ингушей, чеченцев и других) в Центральную Азию. Существовали и религиозные репрессии, след которых в части случаев тянулся с царских времен. Например, молокане (одна из сект старообрядцев – не согласных с церковными реформами) в Российской империи преследовались властью. В начале XIX века они были переселены на окраину страны – в Закавказье, Сибирь, Среднюю Азию. В начале XX века численность членов этой секты только в России составляла как минимум 2 млн человек, но политика коллективизации и раскулачивания нанесла в 30-х годах прошлого века ощутимый удар по общинам молокан, после чего они переселились в страны Южной Америки (сначала Аргентина, Бразилия, затем Уругвай, Парагвай, Боливия).

После Великой Отечественной войны основные потоки внутренней миграции определялись процессами урбанизации, индустриализации и освоения территорий, обладающих полезными ископаемыми – освоение районов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий, Сибири и Дальнего Востока, строительство БАМа. Безусловно, экономические стимулы являлись определяющими при переселении на территории освоения, но из-за суровых климатических и тяжёлых условий труда оттуда вскоре наблюдался интенсивный отток. Кроме того, многие пересе-

ления были связаны с послевоенной работой по распределению (после окончания обязательного времени работы многие оставались), что способствовало освоению и развитию этих регионов.

С 1970 по 1989 гг., согласно данным переписей населения, происходит снижение территориальной подвижности населения. Миграционная активность горожан (интенсивность потоков в направлениях город-город, город-село) сократилась по этим данным на 40% [Воробьева О.Д. и др., 2016, 180], что связано с ростом уровня урбанизации. Развитие этих тенденций в более поздний период после распада СССР связаны уже с влиянием новых социально-экономических факторов в России.

Современные особенности внутренней миграции населения

С середины 1980-х гг. и особенно с начала 1990-х гг. внутренняя миграция в России изменила свои направления. На фоне общего снижения миграционной подвижности бывшие регионы притока населения превратились в регионы его оттока – особенно это было характерно для районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, которые раньше привлекали население более высокой оплатой труда (например, «северными надбавками» к зарплате) и другими льготами. Некоторая часть мигрантов не планировала переселение на постоянное место жительства, но часть переселенцев попросту не смогли «прижиться» и покидали регионы с тяжёлыми условиями труда и жизни. Отсюда высокая доля среди мигрантов (не местных уроженцев) так называемых новосёлов – мигрантов со сроком проживания менее двух лет. В настоящее время стратегия роста уровня доходов в результате переселения в регионы с тяжёлыми условиями жизни невозможна, за исключением некоторых регионов (Тюменская область, Норильск). Районные коэффициенты невысоки или отсутствуют, а, учитывая, что в районах с суровыми климатическими условиями стоимость жизни существенно выше, целесообразность переезда для роста заработков пропадает. Отток населения из северных территорий считают ломкой колонизационного тренда [Россия перед лицом демографических вызовов, 2009, 81].

Снижение интенсивности межрегиональных миграционных связей не сокращает, а скорее усиливает неравномерность распределения населения по территории страны. Переселенческие процессы направлены в сторону Центрального, Южного, Поволжского федеральных округов, что привело к росту доли населения в этих округах до 50% от общей численности населения России.

² Главное управление лагерей объединённого государственного политического управления.

Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область и Краснодарский край являются основными центрами притяжения мигрантов. Причинами этому выступают прежде всего более высокая ёмкость рынка труда, в первую очередь в сфере услуг, более высокий уровень оплаты труда, особенно в столичной агломерации. Также способствуют постоянное расширение территории самого столичного города, интенсивная застройка этих территорий, необходимость развития инфраструктуры. Кроме того, карьерные перспективы, наличие большего числа учебных заведений, где молодёжь имеет практически неограниченный выбор для получения образования. Такие регионы сосредоточены в европейской части страны, в то время как в азиатской части крупных образовательных и научных центров намного меньше – это Екатеринбург, Новосибирск, Омск, Томск, даже Владивосток ещё только находится в состоянии своего становления как центра науки. Лучшее образование – лучшая работа.

Статистический анализ, проведённый американскими исследователями, позволяет сделать вывод о том, что региональные экономические характеристики остаются самыми значимыми: регионы с более высокими показателями экономического развития являются наиболее привлекательными для мигрантов [Wegren S., Cooper Drury A., 2001, 38]. Инновационные отрасли экономики России лучше развиты в западной части страны, в то время как восток относится скорее к сырьевому региону. Однако, стоит подчеркнуть, что в советские годы отток из отдалённых регионов и приток в ресурсодобывающие районы Крайнего Севера происходили одновременно [Kimo K., 2017, 304]. Стремление молодёжи работать в более высокооплачиваемых сферах, которые развиваются в центральных регионах, благодаря ситуации на рынке труда, оказывает серьёзное влияние не только на международную, но и на внутреннюю миграцию населения. В преимущественном положении с точки зрения демографической ситуации оказываются те регионы, в которые переселяется молодое население в репродуктивном возрасте.

Переписи населения 2002 и 2010 годов показывают не только резкое замедление темпов урбанизации, но и появление процесса дезурбанизации (снижения доли городского населения) в двух экономических районах: Северо-Кавказском (где оно связано с высокой рождаемостью и ростом численности сельского населения, а не миграцией из города в село) и Уральском (в сочетании с сокращением общей численности населения) [Воробьева О.Д. и др., 2016, 184]. И в других регионах сначала потоки сельских жителей, не име-

ющих сфер приложения труда, устремлялись в города, а затем стала преобладать так называемая субурбанизация – «обратная» миграция населения (из городов в пригороды). Территориальное перераспределение населения происходит также между большими и малыми городами [Зиброва Н.М., Бурдова А.А., 2017, 242]. Но, как правило, внутренняя миграция в стране приводит к переселению людей в центральные части регионов, в их столицы, то есть в более крупные города [Бреславский А.С., 2016, 80]. В результате возникает ряд негативных последствий, в том числе и демографическое старение населения в регионах оттока, в частности в сельской местности [Великий П.П., Бочарова Е.В., 2012, 130]. Дети молодых переселенцев чаще всего рождаются уже в городской (урбанистической) среде.

При этом стоит обратить внимание на то, что статистические данные текущего статистического учета прибывших и выбывших отражают лишь событие перемещения, а не численность переселившихся конкретных людей, которые несколько раз в течение года могут сменить место жительства или пересечь границу той или иной административно-территориальной единицы, то есть статистика миграции населения может демонстрировать большие показатели миграции, чем существуют её реальные масштабы [Рыбаковский Л.Л., 2005, 198]. То, что является территориальными перемещениями одного человека, выглядит как переезды многих лиц. Означает ли это, что миграционные процессы внутри страны не столь масштабны и происходят в других направлениях, а не так как это отражено статистическими данными? Рассмотрим внутреннюю миграцию населения на примере регионов Дальнего Востока, в которых миграционная убыль населения в результате внутрироссийских миграций происходит наиболее интенсивно.

Миграционная ситуация на Дальнем Востоке

Российский Дальний Восток имеет особое экономическое и стратегическое значение в составе страны. Причины переезда мигрантов на Дальний Восток были различны. В период социалистического развития заселению территории способствовали общественные призывы, организованные наборы рабочей силы, распределение выпускников учебных заведений, что в полной мере обеспечивало необходимые для региона трудовые ресурсы [Мотрич Е.Л. и др., 2013, 79]. Однако ситуация кардинально изменилась в постсоветские годы, начиная уже со второй половины 1980-х годов, в связи с активным проведением рыночных реформ на территории России. Уже тогда,

в результате миграционного оттока населения, началось разрушение демографического и трудового потенциала территории [Мотрич Е.Л. и др., 2013, 79]. Так, Дальневосточный регион потерял почти четверть собственного населения – 24,1% (1,940 млн человек) за период 1991–2020 гг. за счёт сокращения численности населения во всех субъектах федерального округа (таблица 1). Однако, в связи с тем, что в 2018 году Бурятия и Забайкалье были включены в состав Дальневосточного федерального округа³, общая численность населения Дальнего Востока в 2020 году превзошла численность, наблюдавшуюся в регионе в 1991 году.

В настоящее время в целом Дальневосточный федеральный округ имеет высокую миграционную убыль населения (таблица 2). Помимо внутренней миграции этому способствует, хоть и не в определяющей степени, международная миграция населения, обусловленная соседством с Китаем и Японией. Также с 2011–2012 гг. начался активный миграционный отток во Вьетнам [Храмова М.Н., 2015, 62]. Главным фактором оттока,

как следует из многочисленных исследований и опросов населения, является неразвивающаяся, а скорее переживающая дальнейший упадок, экономическая и социальная инфраструктуры региона. Отмечается не только высокая интенсивность выбытия, но также наблюдаются внутрорегиональные переселения в направлении с севера на юг округа [Россия перед лицом демографических вызовов, 2009, 84–85].

21 мая 2012 года создано Министерство по развитию Дальнего Востока, при этом по 31 августа 2013 г. его руководитель одновременно являлся полномочным представителем Президента Российской Федерации в этом федеральном округе. С 1 июня 2016 года вступил в силу «Закон о дальневосточном гектаре». Суть этого нормативно-правового акта заключается в том, что «гражданину на основании его заявления однократно может быть предоставлен в безвозмездное пользование земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности..., площадь которого не превышает одного гектара»⁴.

Таблица 1

Динамика численности населения в субъектах Дальневосточного федерального округа (человек)*

Table 1

Population dynamics in the regions of the Russian Far East, people*

Территория	Численность постоянного населения на 1 января (человек)		Абсолютный прирост (убыль) численности населения	% изменения численности населения за 1991–2020 гг.
	1991	2020		
Дальневосточный федеральный округ	8,063,568	8,169,203	105,635	1,3%
Республика Бурятия		985,937		
Республика Саха (Якутия)	1,118,983	971,996	-146,987	-13,1%
Забайкальский край		1,059,700		
Камчатский край	478,541	313,016	-165,525	-34,6%
Приморский край	2,309,701	1,895,868	-413,833	-17,9%
Хабаровский край	1,624,704	1,315,643	-309,061	-19,0%
Амурская область	1,054,267	790,044	-264,223	-25,1%
Магаданская область	384,525	140,149	-244,376	-63,6%
Сахалинская область	715,333	488,257	-227,076	-31,7%
Еврейская авт. область	219,458	158,305	-61,153	-27,9%
Чукотский авт. округ	158,056	50,288	-107,768	-68,2%

* Источник: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru>

³ 3 ноября 2018 года президент РФ Владимир Путин подписал указ о передаче Республики Бурятия и Забайкальского края из состава Сибирского федерального округа в Дальневосточный федеральный округ.

⁴ Федеральный закон от 1 мая 2016 г. N119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2016/05/05/uchastki-site-dok.html> (дата обращения: 28.05.2020).

Миграционный прирост (убыль) населения Дальнего Востока (тыс. человек)*

Таблица 2

Table 2

Net migration in the Russian Far East, in thousands*

Период	Миграционный прирост (убыль)
1991-1995	-718,7
1996-2000	-453,3
2001-2005	-172,2
2006-2010	-227,3
2011-2015	-119,7
2016	-17,4
2017	-17,1
2018	-33,1
2019	-10,5

* Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011–2019 гг. М.: Росстат, 2012–2020; [Мотрич Е.Л., 2017, 72].

Землю можно использовать различным образом, например, для создания личного подсобного или дачного хозяйства, предпринимательской деятельности, индивидуального жилищного строительства.

Данная мера направлена в том числе на повышение миграционной привлекательности региона как для российских граждан, так и для иммигрантов, относящихся к категории «соотечественники». В постсоветские десятилетия граждане Китая активно занимаются предпринимательской деятельностью, причём не всегда законно, используют свободные, фактически пустующие земли. Япония ещё со времени окончания Второй мировой войны имеет территориальные претензии к России, касающиеся Южных Курил.

Согласно данным Росстата последних лет, миграционная убыль населения происходит на фоне увеличения естественной убыли населения (таблица 3). Общий прирост населения в Дальневосточном федеральном округе остаётся отрицательным, причём показатели существенно отличаются от тех, что наблюдаются по стране в целом. Если же говорить о субъектах округа, то в Забайкальском, Камчатском и Хабаровском краях, а также в Магаданской, Сахалинской областях и Еврейской автономной области в 2019 году происходит сокращение численности населения как за счёт естественной убыли, так и за счёт миграционного оттока населения. Несмотря на незначительный миграционный прирост в 2019 году в Приморском крае и отсутствие миграционной убыли в Амурской области наблюдается сокращение численности населения за счёт высокой есте-

ственной убыли в данных субъектах. При этом, нельзя не заметить, что в трёх самых малонаселённых и депрессивных субъектах – Республике Бурятия, Чукотском автономном округе и Республике Саха (Якутии) отмечается рост численности населения в 2019 году, причём в первых двух субъектах за счёт естественного и миграционного приростов.

Таким образом, если в России в целом миграционный прирост в некоторой степени компенсирует естественную убыль, то на Дальнем Востоке демографическая ситуация более тяжёлая, чем во многих других регионах страны. В отличие от советского периода развития в регионах российского Дальнего Востока происходит интенсивная миграционная убыль населения, в то время как регионы Центральной России, терявшие мигрантов в советский период, имеют в целом миграционный прирост. При этом, важно отметить, что внутрироссийский миграционный потенциал, подпитывающий потоки переселенцев на Дальний Восток, практически исчерпан. Это говорит о необходимости повышения миграционной привлекательности региона для внешних мигрантов [Воробьева О.Д., 2017, 39–40].

Поэтому, наряду с программой дальневосточного гектара, также необходима разработка и реализация и других проектов и программ возвратной миграции, предусматривающих возвращение покинувшего регион населения. Бруно Рейтер, заведующий лабораторией генетики Сибирского НИИ сельского хозяйства, замечает, что существует особая категория мигрантов, так называемых вернувшихся «на коне», которые на заработанные

Таблица 3

Общий, естественный и миграционный прирост населения России и субъектов Дальневосточного федерального округа в 2017, 2018, 2019 гг. (на 1000 населения)*

Table 3

Total increase, natural increase, net migration in Russia and the Russian Far East in 2017, 2018, 2019, per 1,000 population*

Территория	Коэффициенты (‰) в 2017 году			Коэффициенты (‰) в 2018 году			Коэффициенты (‰) в 2019 году		
	ОП	ЕП	МП	ОП	ЕП	МП	ОП	ЕП	МП
Российская Федерация	0,5	-0,9	1,4	-0,6	-1,5	0,9	-0,2	-2,2	1,9
Дальневосточный федеральный округ	-2,8	0	-2,8	-4,1	-0,1	-4	-2,4	-1,1	-1,3
Республика Бурятия				-1,3	3,4	-4,7	2,7	1,7	1,1
Республика Саха (Якутия)	1,6	6,4	-4,8	2,8	5,8	-3	5,1	5,4	-0,2
Забайкальский край				-6,6	0,4	-6,9	-5,7	-0,6	-5,2
Камчатский край	2,6	0,9	1,7	-2,6	-0,4	-2,2	-5,4	-0,4	-5
Приморский край	-5,3	-2,3	-2,9	-5,4	-3	-2,4	-3,6	-4	0,4
Хабаровский край	-3,8	-1	-2,8	-5,2	-1,4	-3,7	-4,4	-2,4	-2,1
Амурская область	-4,2	-1,5	-2,6	-6,6	-2,3	-4,3	-4	-4	0
Магаданская область	-10,2	-0,6	-9,7	-20	-1,4	-18,7	-7,7	-2,4	-5,3
Сахалинская область	5,8	0,9	4,9	-1,1	-0,4	-0,7	-2,8	-0,7	-2,2
Еврейская авт. область	-13,5	-1,6	-11,9	-13,1	-2	-11	-10,1	-3,7	-6,4
Чукотский авт. округ	-9,6	3,7	-13,2	6,4	1,6	4,8	12,5	1,4	11,1

* Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017–2019 гг. М.: Росстат, 2018–2020.

Примечание: ОП – общий прирост, ЕП – естественный прирост, МП – миграционный прирост.

в других странах средства имеют возможность организовать бизнес в России [Веневцев В., 2016]. Для такой категории мигрантов как члены общин старообрядцев возвращение на Родину связано с наличием у части из них родственников на Дальнем Востоке [Шведов В.Г. и др., 2019, 152]. Связь с семьями может служить серьезным стимулирующим фактором также и для переехавших в другие регионы России. Развитию Дальневосточных регионов должно способствовать и возрождение образовательных учреждений и научных школ. Привлечение студентов благодаря развитию системы образования, расширению инновационных отраслей экономики – всё это эффективные средства для привлечения как потенциальных, так уже и состоявшихся высококвалифицированных специалистов. Формирование и развитие более разветвленной и комфортной среды для сферы туризма, следовательно, увеличение количества и качества рабочих мест в ней, также могут стать одним из локомотивов развития, а значит имеют шанс увеличить первоначально временное, а затем и постоянное население региона, богатого природными достопримечательностями.

Заключение: перспективы внутренних миграций

Роль внутренних миграций населения в процессах расселения и демографическом развитии России чрезвычайно велика. И она возрастает по мере сокращения численности населения, демографического потенциала. В этих условиях концентрация населения на очень локальных пространствах приводит к запустению, выводу из экономического оборота огромных земельных и природных ресурсов. Использование с целью освоения этих ресурсов привлечение иностранной рабочей силы или вахтовые методы работы не позволят исключить угрозы отторжения территорий, в первую очередь восточных. Следовательно, процессы оттока населения в западные и южные территории России требуют вмешательства на федеральном и региональном уровнях государственного управления с использованием арсенала экономических и административных механизмов.

Богатая российская историческая практика перенаправления переселенческих процессов даёт возможность заимствования наиболее адекватных инструментов в современных условиях.

К ним относятся меры налоговой политики, установления дотаций и льгот для постоянного населения и переселенцев с учётом сроков проживания, профессии, уровня квалификации и ряда других критериев. Однако, к первоочередным мерам сдерживания миграционного оттока из восточных регионов относятся меры инвестиционного характера для поддержания и развития сферы приложения труда населения с учётом современных возможностей использования IT-технологий.

Поддержание и развитие аграрного сектора экономики, особенно в южно-сибирских и дальневосточных регионах, природно-климатически пригодных для ведения сельского хозяйства также потребуют инвестиционных вложений для модернизации технического оснащения аграрных отраслей хозяйствования и всей экономической и социальной инфраструктуры. Особенно это касается восстановления утраченной системы учреждений здравоохранения и образования и их развития с использованием новых видов оборудования и технологий.

Необходимо восстановление всей эколого-экономической и социальной системы жизнеобеспечения с учетом особенностей территориальной удалённости населённых пунктов друг от друга и центральных мест, климатических и природных особенностей регионов. Та степень деградации, в которой находятся в настоящее время не только восточные азиатские, но и европейские северо-западные, когда-то экономически и демографически процветающие субъекты Российской Федерации, потребуют не только крупных финансовых затрат на их восстановление, но и по-настоящему системного проектного подхода для перелома всех негативных, затянувшихся уже на десятилетия, тенденций. Фрагментарные попытки вытащить решение то одной, то другой проблемы в качестве актуальной повестки дня, приводят к неэффективному расходованию материальных, финансовых и человеческих ресурсов и не только не позволяют приближаться к поставленным целям, решать проблемы, но и продолжают их усугублять.

Список литературы

- Бреславский А.С. Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. Социология. Этнология. 2016. 25 (1). С. 79–102.
- Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности и расселения русского этноса (1678–1917 гг.) // Советская этнография. 1982. №4. С. 9–26.
- Великий П.П., Боcharова Е.В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социологические исследования. 2012. №1. С. 126–133.
- Венеvцев В. Сибирская Германия. Почему немцы возвращаются в Россию // Медиа-проект «Лес». 2016. URL: <https://les.media/articles/336214-sibirskaya-germaniya-for-landing> (дата обращения: 04.08.2020).
- Волошин М.А. Собрание сочинений в 13 т. Т1. М.: Эллис Лак, 2003. С. 329.
- Воробьева О.Д. Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. №2 (204). С. 35–40. DOI: 10.12737/article_59007e9adba372.94662480
- Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2018.
- Воробьева О.Д., Топилин А.В., Гребенюк А.А., Лебедева Т.В. Анализ миграционных процессов по данным переписей населения в России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 1. С. 175–188. DOI: 10.17059/2016-1-13
- Зиброва Н.М., Бурдова А.А. Влияние миграции рабочей силы на территориальное распределение работников // Аллея науки. 2017. №1 (9). С. 240–243.
- Зубков И.В. Переселенчество. Большая Российская энциклопедия. 2014. Т. 25. С. 660.
- Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.
- Кабузан В.М. Миграция в Российской империи // Отечественные записки. 2005. №4. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/4/dvizhenie-naseleniya-v-rossijskoj-imperii.html> (дата обращения: 01.12.2020).

References

- Breslavsky A.S. Possible modes of suburbanization in Russia. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2016. Vol. 25. No. 1. P. 79-102. (In Russ.).
- Bruk S.I., Kabuzan V.M. Dinamika chislennosti i rasseleniya russkogo etnosa (1678-1917) [Dynamics of the number and settlement of the Russian ethnos (1678-1917)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1982. No. 4. P. 9-26. (In Russ.).
- Velikiy P.P., Bocharova E.V. Dispossession of peasants – an indicator of destructive transformations in the Russia's agrosphere. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012. No. 1. P. 126-133. (In Russ.).
- Venevtsev V. *Sibirskaya Germaniya. Pochemu nemcy vozvrashchayutsya v Rossiyu* [Siberian Germany. Why are Germans returning to Russia]. Media-proekt «Les». 2016. Accessed 04.08.2020 URL: <https://les.media/articles/336214-sibirskaya-germaniya-for-landing> (In Russ.).
- Voloshin M.A. *Sobranie sochinenij v 13 t. T1* [Collected works in 13 vols. Vol. 1]. Moscow: Ellis Lak. 2003. (In Russ.).
- Vorobieva O.D. Labour Market and Migration in the Far East. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2017. No. 2 (204). P. 35-40. DOI: 10.12737/article_59007e9adba372.94662480 (In Russ.).
- Vorobieva O.D., Rybakovsky L.L., Rybakovsky O.L. *Migracionnaya politika Rossii: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury* [Russian migration policy: A study guide for bachelor's and master's degrees]. Moscow: YUrajt Publishing House. 2018. (In Russ.).
- Vorobieva O.D., Topilin A.V., Grebenyuk A.A., Lebedeva T.V. The analysis of migration processes in Russia according to the census. *Economy of Region*. 2016. Vol. 12. No. 1. P. 175-188. DOI: 10.17059/2016-1-13 (In Russ.).
- Zibrova N.M., Burdova A.A. Vliyaniye migracii rabochej sily na territorial'noe raspredeleniye rabotnikov [Impact of labour migration on the territorial distribution of employees]. *Alleya Nauki*. 2017. No. 1 (9). P. 240-243. (In Russ.).
- Zubkov I.V. Pereselenchestvo [Resettlement]. In *Great Russian Encyclopedia*. 2014. Vol. 25. P. 660. (In Russ.).
- Iontsev V.A., Lebedeva N.M., Nazarov M.V., Okorokov A.V. *Emigraciya i repatriaciya v Rossii* [Emigration and repatriation

- Михайловский В.Г. Факты и цифры из русской действительности. Население России по первой всеобщей переписи // Живое слово. 1897. № 6.
- Моисеенко В.М. Миграция из сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 2. С. 122–146.
- Моисеенко В.М. Миграция населения в переписях России и СССР // Демоскоп Weekly. 2017. № 719–720. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0719/nauka05.php> (дата обращения: 01.05.2020).
- Мотрич Е.Л. Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991–2016 гг. // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 70–77. DOI: 10.12737/article_590083a325c4b6.02230367
- Мотрич Е.Л., Найден С.Н., Грицко М.А. Население и уровень жизни дальневосточных окраин: вектор миграционных потоков Камчатки // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 8. С. 79–92.
- Рыбаковский Л.Л. Практическая демография / Под редакцией Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005.
- Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 гг. Документы и материалы в 4 томах. М.: РОССПЭН. 2000.
- Храмова М.Н. Миграционные процессы в Приморском крае: факторы и закономерности // Региональные проблемы. 2015. Вып. 18. № 3. С. 59–64.
- Шведов В.Г., Чурзина А.А., Ушаков Е.А., Шведова В.В. Расселение староверов на юге Дальнего Востока в XIX–начале XXI веков // Успехи современного естествознания. 2019. № 7. С. 146–153.
- Kumo K. Interregional migration: analysis of origin-to-destination matrix. In *Demography of Russia*. London: Palgrave Macmillan. 2017. P. 261–314. DOI: 10.1057/978-1-137-51850-7_8
- Wegren S., Cooper Drury A. Patterns of internal migration during the Russian transition // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2001. Vol. 17. № 4. P. 15–42. DOI: 10.1080/714003589
- in Russia]. Moscow: Caring About the Needs of the Russian Repatriates. 2001. (In Russ.).
- Kabuzan V.M. Migraciya v Rossijskoj imperii [Migration in the Russian Empire]. *Zhurnal Otechestvennyye zapiski*. 2005. No. 4. Accessed 01.12.2020 URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/4/dvizhenie-naseleniya-v-rossijskoj-imperii.html> (in Russ.).
- Mikhailovsky V.G. *Fakty i cifry iz russkoj dejstvitel'nosti. Naselenie Rossii po pervoj vseobshchej perepisi* [Facts and figures from Russian reality. The Russian population according to the first census]. *Zhivoe slovo*. 1897. No. 6. (In Russ.).
- Moiseenko V.M. Migraciya naseleniya v perepisyah Rossii i SSSR [Population migration in the censuses of Russia and the USSR]. *Demoscope Weekly*. 2017. No. 719–720. Accessed 01.05.2020. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0719/nauka05.php> (In Russ.).
- Moiseenko V.M. Rural-urban migration in the USSR in the 1920s. *Demographic review*. 2018. Vol. 5. No. 2. P. 122–146. (In Russ.).
- Motrich E.L. Assessment of the Migration Situation in the Russian Far East: 1991–2016. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2017. No. 2 (204). P. 70–77. DOI: 10.12737/article_590083a325c4b6.02230367 (In Russ.).
- Motrich E.L., Naiden S.N., Gritsko M.A. Population and standard of living of the Far Eastern suburbs: A vector of migration flows of Kamchatka. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2013. No. 8. P. 79–92. (In Russ.).
- Rybakovsky L.L. (Ed.) *Prakticheskaya demografiya* [Practical demography] Moscow: *Centr social'nogo prognozirovaniya*. 2005. (In Russ.).
- Sovetskaya derevnya glazami VCHK-OGPU-NKVD. 1918-1939 gg. Dokumenty i materialy v 4 tomah* [Soviet village through the eyes of the VCHK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials in 4 volumes]. Moscow: Political Encyclopedia Publishers. 2000. (In Russ.).
- Khramova M.N. Migratory processes in Primorsky territory: factors and trends. *Regional Problems*. 2015. Vol. 18. No. 3. P. 59–64. (In Russ.).
- Shvedov V.G., Churzina A.A., Ushakov E.A., Shvedova V.V. *Rasselenie staroverov na yuge Dal'nego Vostoka v XIX–nachale XXI vekov* [Settlement of old believers in the South of the Far East in the XIX–early XXI centuries]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. 2019. No. 7. P. 146–153. (In Russ.).
- Kumo K. Interregional migration: analysis of origin-to-destination matrix. In *Demography of Russia*. London: Palgrave Macmillan. 2017. P. 261–314. DOI: 10.1057/978-1-137-51850-7_8
- Wegren S., Cooper Drury A. Patterns of internal migration during the Russian transition. *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2001. Vol. 17. No. 4. P. 15–42. DOI: 10.1080/714003589

Заявленный вклад авторов:

Воробьева О.Д. – постановка проблемы, разработка концепции статьи, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

Субботин А.А. – критический анализ литературы, сбор, обработка и анализ данных, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

Authors' declared contribution:

Olga D. Vorobieva – statement of the problem, development of the article concept, analysis of research results, formulation of research findings.

Alexander A. Subbotin – critical analysis of the literature, collection, processing and analysis of data, analysis of research results, formulation of research findings.